

Михаил Блюменкранц

Время анти-истории. Картина мира: дубль 2003.

*«Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся во времени: Время, как конкретное свойство истории, создается людьми на основе их изначального времяполагания»
Ж.-П. Сартр¹*

*«Заниматься историей нужно. В той мере, в которой она – и только она – помогает нам жить в теперешнем мире, потерявшем последние остатки устойчивости»
Л. Февр²*

Когда историки толкуют о «переходных эпохах», невольно возникает вопрос: а какая эпоха не переходная? История – сейсмически опасная зона, где каждая точка во времени-пространстве является точкой перехода, она подвижна и всегда погранична по самой своей сути.

Ретроспективно можно рассуждать о более или менее стабильных эпохах, но не следует забывать, что пороховые бочки наполняются зачастую именно в эти спокойные на первый взгляд времена, задолго до очередного взрыва. Любая эпоха может в принципе рассматриваться как переходная, все зависит от выбранной исследователем системы отсчета.

Христианский взгляд на историю вообще видит весь исторический процесс как переходное состояние от начальной точки – Сотворения Мира до конечной точки – Второго Пришествия и Страшного Суда. История – разворачивание грандиозной мистерии от акта грехопадения до грядущего очищения и преобразования падшего человечества, путь восхождения от Ветхого Адама к Новому Адаму.

Неразрывная историческая связь времен прослеживается в многочисленных средневековых хрониках. Как отмечает Романо Гвардини: хроники... «включают все известные события истории вплоть до времени самого рассказчика в большой контекст мировой исторической драмы. Отсюда возникает характерное чувство исторического процесса: у него есть четкое начало и решительный конец, и эти две крайние точки сжимают его, ограничивают и упорядочивают его. Таким образом, всякое «теперь» человеческого существования получает свое точное ме-

¹ Ж.-П. Сартр. Проблема метода, М., Прогресс, 1994, с. 113.

² Л. Февр. Лицом к ветру. В кн. «Бои за историю», М., Наука, 1991, с.45-46.

сто в целом мирового времени, отчетливо ощущаемое и тем более значимое, что акт вочеловечивания Бога, в котором слилось время и вечность, вновь проявляется в жизни каждого спасенного, превращая «теперь» из безразличного момента времени в экзистенциально решаемое мгновение».³

Тем самым, в парадигме христианской культуры истории задаются метаисторические горизонты, и только в этом контексте обретают смысл как всемирная история, так и существование каждого отдельного индивида, фактически санкционированное его надисторической миссией. Все, что происходит во времени, имеет свое сакральное значение и бытийное обоснование в Вечности, укоренено в ней. Как характеризует мировосприятие человека средневековья известный историк-медиевист: «... человек ощущает, осознает себя сразу в двух временных планах: в плане локальной преходящей жизни и в плане общеисторических, решающих для судеб мира событий – Сотворения мира, Рождества и Страстей Христовых. Быстротечная и ничтожная жизнь каждого человека проходит на фоне всемирно-исторической драмы, вплетается в нее, получая от нее новый, высший и непреходящий смысл. Эта двойственность восприятия времени – неотъемлемое качество сознания средневекового человека...»⁴

Сегодня мы живем не только в ином историческом пространстве, пространстве постиндустриального общества, располагающего беспрецедентными в истории человечества средствами информации и коммуникации, но и в иначе переживаемом историческом времени. В нашем секуляризованном и рационализированном мире, лишенном сверхисторических задач и метафизических горизонтов, мы оказались в другом хронотопе, в иной исторической парадигме, и лишь по инерции продолжаем пользоваться прежней системой координат, самоидентифицировать себя в рамках традиционных культурных ценностей, не отдавая себе отчета в радикальных изменениях бытийственных основ нашего повседневного существования.

Сами того не заметив, мы оказались в новой, постисторической эпохе. Из «авраамистской ойкумены» мы осуществили дрейф в «ойкумену постапокалиптическую». Апокалипсис в данном контексте означает демаркационную линию, последний рубеж, заданный христианской культурной парадигмой. С христианской точки зрения можно говорить о наступлении периода анти-истории, о путешествии в зазеркалье.

Но не парадоксально ли рассуждать о времени анти-истории в ситуации, когда сознание современного человека более, чем когда-либо перегружено информацией о разнообразных крупных и мелких событиях истории? При помощи средств масс-медиа и интернета мы заверчены в бешеный калейдоскоп событий, перекормлены сводками ежедневных новостей, кадрами происшествий во всех угол-

³ Р. Гвардини. Конец Нового Времени., в журнале «Вопросы философии», 1990, N 4, с.132-133.

⁴ А.Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., Искусство, 1984, с. 153.

ках земного шара. Мы в курсе актуальных проблем, занимающих мировое сообщество: от последних социальных и международных конфликтов и эпохальных решений политических саммитов до очередной экстравагантной выходки модной шоу-звезды, от запусков космических станций и последних новостей биржи до новых успехов секс-меньшинств в борьбе за свои права.

По сути же мы живем в полном информационном хаосе, симулирующем наличие исторического космоса. Все эти бесчисленные события не выстраиваются для нас в осмысленный ряд, и по большей части оставляют нас совершенно безучастными. Мир для нас так же мозаичен и фрагментарен, как мозаично и фрагментарно наше существование в нем.

Мы наглухо капсулированы в малом времени своего существования, в серой скорлупе будней. Мы монады без окон, но... с телеэкранами. Мы давно уже не живем в историческом мире, но мы охотно за ним подглядываем.

В своем углу, малом времени и малом пространстве с помощью последних достижений технического прогресса мы можем уютно, без всякой усилий и риска, предпринять головокружительные странствия по любым эпохам и галлактикам. «Миф – машина для уничтожения времени»⁵ - писал Клод Леви-Стросс. У нас для этого есть средства поэффективнее. По какому телеканалу у нас сегодня история?..⁶

Успешная симуляция жизни сменила не менее успешную симуляцию исторического прогресса. Утратив надисторические перспективы, мы потеряли и пространство истории. Время, не обеспеченное золотым запасом Вечности, проваливается в пустоту, оказывается абсурдом «дурной бесконечности». Впрочем, мы неплохо обжили Абсурд и чувствуем себя в нем почти что комфортно: в космическом абсурде пустого и холодного мироздания, в историческом абсурде постоянного становления и крушения цивилизаций и, прежде всего, в унылом абсурде собственного повседневного существования.

Ирония нашей жизни состоит в том, что даже культура – начало, всегда противостоящее абсурду – сегодня стала одним из самых мощных его стимуляторов и проводников. Она полностью снимает с человека чувство духовной ответственности, даруя взамен иллюзию существования. Когда-то она выпрямляла души,

⁵ К. Леви-Стросс. Структурная антропология. М., Наука, 1983, с. 189.

⁶ Социо-психологический сдвиг исторического восприятия современного человека отмечает и Ульрих Бек в своей работе «Общество риска». «По мере того», - пишет он, - «как человек с каждым витком индивидуализации все больше высвобождается из социальных связей и «приватизируется», происходит двойственное развитие. С одной стороны, формы восприятия становятся частными и одновременно – помысленные на оси времени – *внеисторическими*. Дети уже не знают жизненных обстоятельств родителей, а тем паче дедов и бабок. Иными словами, временные горизонты жизневосприятия все более сужаются, пока *история* (в экстремальном случае) не сжимается до (вечного) сегодня, когда все вращается вокруг собственного «я», собственной жизни».

У. Бек, Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-Традиция, 2000, с. 198.

теперь она их успешно укорачивает. Культура стала одной из прибыльнейших индустрий нашего производства, королевским крикетом современного бизнеса.

Современная культурная ситуация была довольно точно охарактеризована

К.С. Доусоном: «... новая научная культура лишена всякого позитивного содержания. Она представляет собой огромный комплекс технических приемов и областей специализации без направляющего духа, без основы для общих нравственных ценностей, без объединяющей духовной цели... Культура этого рода во все не является культурой в традиционном смысле, т.е. не является порядком, который включает в себя каждую сторону человеческой жизни в живой духовной общности»⁷.

Кассирер определял человека как «символическое животное», «животное, создающее символы»⁸. Но так же, как мы создаем символы, символы, в свою очередь, создают нас. Мы живем в мире символических форм. Символ лежит в истоках духовного творчества. Миф, рождающийся на заре человеческой истории – тот же символ. Символ – это наш способ прикоснуться к Тайне. Через переживание религиозных и культурных символов человек обретает духовный синтез, преодолевает глухой трагизм своего быстротечного существования, открывая в сокровенной глубине собственной души ее сопричастность живой бесконечности мироздания.

С утратой метафизического измерения наше историческое сознание утратило и бесконечное разнообразие символических форм, в которых осмысливал себя и окружающий мир человек средневековой Европы. Связь человеческого существования с Абсолютом, выработанная христианской религиозной культурой, была аннулирована.

Начавшийся процесс секуляризации сознания постепенно привел к перерождению символов культуры в культурную эмблематику. Эмблема - по сути - выхолощенный символ, сохраняющий видимость символической формы, но, в отличие от символа подлинного, потерявший творческую многозначность смыслов, способность соотносить внутренний мир личности с первоосновами бытия, безуспешно симулирующий связь человека со сверхличностными ценностями. Фактически, эта та система симулякров, которую Жан Бодрийяр считает характерной особенностью современной культуры.

Определяемая сама из себя, ставшая самодостаточной, история бесследно исчезает в бесчисленных пасьянсах историософских концепций, тщетно стремящихся разгадать ее скрытый смысл в черед сменяющихся друг друга событий. Идеи эволюции и прогресса, идеи цикличности, движения по спирали, маятниковых колебаний и т.д. исходят из убеждения, что история имманентно, в самой

⁷ К.С. Доусон. Религия и культура. С.-П., Алетея, 2000, с. 272.

⁸ Э. Кассирер. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. В кн. Избранное. Опыт о человеке. М., Графика, 1998, с. 471.

себе несет свой собственный смысл. Смыслы множатся, и ощущение истории становится все более и более абсурдным.

Антропологическая катастрофа, обнаружившаяся в XX столетии и проявившаяся в невиданных доселе поставленных на конвейер массовых уничтожениях людей, созданий гигантских фабрик смерти, – страшное свидетельство грандиозного культурного провала современной цивилизации.

Тоталитарные режимы предложили изголодавшимся по историческому существованию и историческим масштабам жизни людям иллюзию исторической перспективы. Они симулировали метаисторическое измерение истории, опрокинув религиозную вертикаль на идеологическую горизонталь исторических ценностей. В результате эти ценности получили сакральное наполнение, способное породить религиозный импульс. Однако свое разрешение этот импульс находит не в религиозной символике, а в идеологической эмблематике. Искусство подмены религиозного символа идеологической эмблемой – один из инструментов технологии власти тоталитарных систем.

В качестве духовных феноменов категории исторического времени и Вечности не являют собой антитезы, они внутренне сопряжены и взаимосвязаны. Вечность открывается человеку через историю. Эту двуединую основу человек изначально несет в самом себе. Нельзя без ущерба для человеческой природы ампутировать одно из этих измерений.

Как показал наш исторический опыт, такая ампутация обрекает человечество на существование в пространстве и времени анти-истории, приводит к иссякновению духовные источники жизни.